

Он ступил на обломок камня, взмахнул рукой и бросился прямо на Фу Куня.

Скорость была немалой, и когда Фу Кунь попытался нащупать на земле камень, тот уже подскочил к нему вплотную.

Затем он скользнул ногой, замахнулся и ударил Фу Куня по плечу, после чего рухнул на землю.

Падая, он мертвецки вцепился в одежду Фу Куня и отчаянно засучил ногами, пытаясь подняться.

Фу Кунь никогда прежде не видел таких драк — это напоминало возню баб на рынке, которые дерут друг другу одежду. Он одновременно отталкивал Ван Чжицзяна и пятился назад, не давая ему возможности встать.

Сунь Вэй воспользовался моментом, подскочил сбоку и отвесил Ван Чжицзяну несколько увесистых оплеух прямо по лицу.

Заметив это, прихвостень Чэнь Юэ тут же всполошился, сломя голову бросился вперед и сбил Ван Чжицзяна с ног сзади.

Не выдержав совместного натиска двоих, Фу Кунь поскользнулся и кубарем полетел прямо в ручей.

Вода в ручейке стояла мелкая, едва по щиколотку, но ледяная крошка вмиг забила ему за воротник и в рукава.

Хотя в первом раунде Ван Чжицзян выглядел изрядно потрепанным, за счет роста, веса и того, что он опирался на Фу Куня, он устоял на ногах, пошатался пару секунд и выпрямился.

Увидев, что Фу Кунь в обиде, Сунь Вэй тут же рассвирепел и хотел было с разгону врезаться в Ван Чжицзяна — ему было уже плевать, свалятся они оба в воду или нет.

Но не успел он добежать до Ван Чжицзяна, как неизвестно откуда сзади прикотился круглый камень и угодил прямо тому под ноги. Ван Чжицзян и так еще покачивался, потерял бдительность и наступил на него, тут же растянувшись в воде во весь рост.

Сунь Вэй тут же сообразил: вот оно, шанс! Он бросился следом, Чэнь Юэ тоже ринулся в бой, и все четверо, словно пельмени в кипяток, скатились в кучу на берегу ручья, так что уже нельзя было разобрать, кто есть кто.

Фу Ицзэ присел на вершине откоса, сжимая в руке довольно большой круглый камень. Увидев, что Ван Чжицзян поднимается из воды и собирается вылезти на берег, он толкнул булыжник, и

тот покатился вниз по склону прямо в воду.

Это был уже четвертый камень, хотя далеко не каждый катился именно туда, куда нужно, прямо под ноги Ван Чжицзяну.

Но на этот раз все удалось: Ван Чжицзян споткнулся, а Фу Кунь, только что выбравшийся из воды, прыгнул ему на спину и снова втиснул лицом в воду.

В самый разгар ожесточенной схватки позади раздался велосипедный звонок. Фу Ицзэ обернулся и увидел двоих взрослых, которые уже закончили работу. Соскочив с велосипедов, они подбежали и рявкнули на вознючих в воде пацанят: — Вы что творите, а! —

Под влиянием внешних вмешательств четверо замерзших, как пельмени в морозилке, парня, катавшихся по ручью, были вытащены на берег.

Хотя кровь у всех еще кипела, затеять новую драку у них уже не хватило бы сил: их так колотило от холода, что они не могли даже идти.

Фу Кунь даже не помнит, как добрался до дома. К счастью, жили они недалеко, и когда матушка на пороге принялась его допрашивать, он отвечал лишь непрерывным стуком зубов: стук-стук-стук.

Матушка то кутала его в одеяла, то варила имбирный отвар. Все это время Фу Ицзэ неотступно следил за ним из угла, а когда матушка завернула старшего в одеяло, тут же забрался к нему на кровать и прижался, обхватив руками.

Впрочем, организм у Фу Куня был крепкий: после такой взбучки он даже не заболел, отделавшись парю чихами.

Убедившись, что с Фу Кунем всё в порядке, матушка принялась подробно выпрашивать, как всё было.

Фу Кунь не осмелился сказать правду и лишь соврал, будто они с Сунь Вэем ходили к мосту и случайно свалились в воду.

Матушка с некоторым подозрением посмотрела на Фу Ицзэ: — Ицзэ, скажи маме, всё так и было? —

Фу Куня тотчас бросило в пот. В возрасте Фу Ицзэ он сам еще не умел лгать и выкладывал матушке всё начистоту.

Фу Ицзэ не глядел на брата, лишь поднял голову и посмотрел на матушку: — Братик покатился

вниз по склону. —

— Вот же растяпа, — матушка ничуть не усомнилась в словах Фу Ицзэ, презрительно цыкнула языком и удалилась, даже не попытавшись никого утешить.

Фу Куню было немного обидно, что Фу Ицзэ по собственной воле взял и выложил картину его падения в реку, но, сообразив, что младший прикрывает его, он мог лишь молча с этим смириться.

Стоило матушке отчитать его, как вернулся с работы батюшка. Первым делом он с восторгом вместе с матушкой прикрепил похвальную грамоту Фу Ицзэ на стену, шумно порадовался этому событию, а затем, круто развернувшись, выдал Фу Куню новую порцию нагоняя.

Посмотри, какой у тебя младший брат молодец, уже грамоту домой принес! Хватит таскать его за собой и наумничать всякие глупости.

Досталось за компанию и Фу Ицзэ.

Не шляйся со старшим бог знает где, мы тогда были неопытными и толком за твоим братом не следили — он с малолетства привык по улице бегать, его уже не исправить, обратно в утробу не засунешь и заново не родишь. А ты такой умница, нечего тебе перенимать дурные привычки брата.

Фу Ицзэ слушал со всей серьезностью, не перечил и только исправно кивал.

Еще долго после того памятного разговора Фу Кунь понятия не имел, как угодить батюшке с матушкой и выполнить их взаимоисключающие требования: и возиться с младшим братом, и в то же время не таскать его за собой на всякие глупости.

А Фу Ицзэ следовал за ним по пятам, словно пришитый хвост, от которого невозможно избавиться.

На Новый год вся семья отправилась погостить к бабушке. Едва Фу Куню представился удобный случай сбежать в игровой зал с двоюродными братьями, как Фу Ицзэ вцепился ему в одежду и увязался следом. В итоге Фу Куню пришлось простоять минут пять у входа в аркаду, после чего он со злостью сжал зубы и повернул домой.

Был у Фу Ицзэ и еще один странный пунктик. У Фу Куня имелось немало дядей, теток, а также младших братьев и сестер, но стоило кому-то из них назвать Фу Куня братом, как Фу Ицзэ немедленно прибежал, намертво вцеплялся в него и принимался голосить: — Братик, братик, братик! — повторяя раз десять кряду, будто наперегонки.

Когда у Фу Куня было хорошее настроение, он отзывался на каждый зов, а когда докучало —

рявкал в ответ: — Сиди на месте! — Но как бы старший ни злился, Фу Ицзэ ничуть не обижался: умолкал на пару минут, а потом продолжал в том же духе.

Родственники, впрочем, души в Фу Ицзэ не чаяли: ребенок рос писаным красавцем, сущая куколка, да к тому же послушный.

Бабушка частенько подтрунивала над ним: — Ицзэ, вырастешь таким красавцем — придется искать жену еще краше! —

Фу Ицзэ кивал.

— И какую же? —

— Как мой братик. —

Этот ответ веселил всю родню целый год.

Для Фу Ицзэ годы, проведенные в детском доме, казались белым пятном: его детство состояло из прятков с едой по углам и никаких иных развлечений.

Фу Кунь, который водил его лазить по деревьям, перемахивать через заборы, безуспешно пытался ловить рыбу и птичьи яйца или устраивал драки, открыл перед ним целый мир за пределами приюта. Даже самые простенькие хлопущки и стеклянные шарики казались мальчику полными удивительных чудес. Фу Кунь был для него не просто обычным старшим братом.

Фу Кунь показал ему, каково это — жить по-настоящему, пусть даже этот братишка вечно влипал в неприятности, за что учителя частенько выставляли его у школьных ворот, пусть даже порой бывал невыносимо груб и пытался сбежать от него во время игр.

Жена — это очень важный человек, так что пусть лучше это будет братик.

В глазах окружающих Фу Кунь не считался хорошим ребенком, но Фу Ицзэ твердо знал: только он один по-настоящему понимает, какой на самом деле его брат и сколько у него достоинств.

Фу Кунь терпеть не мог делать уроки, но когда не носился где-то на улице, мог часами сидеть, сгорбившись за письменным столом, и выводить в тетрадах забавных мультяшных человечков.

Фу Ицзэ обожал смотреть, как рисует Фу Кунь. У него получалось великолепно — куда лучше, чем у тех, кто переводил картинки через кальку. Даже Черепашки-ниндзя, которые казались Фу Ицзэ жутковатыми, в исполнении брата выглядели привлекательно. Ему нравилось сосредоточенное лицо Фу Куня во время работы и то, как брат, заметив его взгляд, протягивал руку, чтобы нарисовать на его ладони или тыльной стороне кисти парочку зверушек.

— Ицзэ, смотри, это ты, — Фу Кунь выводил на его загорелой руке кругленького, пухлого кролика.

Этот рисунок держался больше недели, и Фу Ицзэ жалел смывать его даже во время мытья рук.

Пока матушка сама не заметила и не оттерла его силой.

Единственное, что могло заставить Фу Куня добровольно и по собственной воле усесться за стол — это рисование или изготовление всяких поделок вроде перископа. С Фу Ицзэ дела обстояли иначе: с первого по третий класс он оставался образцовым учеником, а на каждом собрании родителей ждали лишь похвалы. Белая стена в комнате, которую батюшка с матушкой давным-давно приготовили под похвальные грамоты Фу Куня (но так и оставившуюся пустой), теперь сплошь пестрела наградами Фу Ицзэ. Зато стена у изголовья его кровати была полностью заклеяна рисунками Фу Куня.

— Есть разговор, — Фу Кунь с зажатым в руке плакатом подошел к кровати брата и легонько пнул ее ножку.

— Мм? — не открывая глаз, отозвался Фу Ицзэ.

— Какое из этих мест можно ободрать? — Фу Кунь указал на приклеенные постеры с собственными рисунками. — Освободи мне местечко, повешу кое-что. —

— Что повесить? — Фу Ицзэ приоткрыл глаза.

— Мотоцикл, — Фу Кунь продемонстрировал плакат.

Фу Ицзэ промолчал. Постояв с поднятой бумагой добрую половину минуты и заметив, что брат снова зажмурился, Фу Кунь не выдержал: — Всё, тогда сам тут всё обдеру нахрен! —

— Ничего нельзя сдирать, клей в другом месте, — буркнул Фу Ицзэ.

— Да ты издеваешься! — протянул Фу Кунь. — Что за заскоки такие? Здесь же нет никаких человеческих морд! —

Когда Фу Кунь пытался повесить плакат Маленьких тигров, Фу Ицзэ запретил; когда захотел Четырех Небесных Царей — снова запретил, заявив, что от картинок с лицами по ночам снятся кошмары; даже против постера с Рыцарями Зодиака тот возражал. И вот теперь, когда он принес Харлей, опять нельзя!

— Тогда... — Фу Ицзэ перевернулся на живот и долго разглядывал потолок, после чего ткнул пальцем вверх: — Повесь на дверцу шкафа. —

Фу Кунь задрал голову, оценивая предложенное местечко, и потерял дар речи. Речь шла о навесном шкафчике, который батюшка прикрутил над их двухъярусной кроватью. До дверцы этого шкафа без лестницы было просто не дотянуться...Ицзэ, — Фу Кунь уселся на кровать, прилёг рядом с Фу Ицзэ. — Разорви ты эти рисунки. Хочешь, я в любой момент тебе новых нарисую? С чего вдруг так...

— Не одно и то же, — Фу Ицзэ раздражённо перевернулся, обнимая его и закинув ногу ему на живот. — Каждый рисунок разный, к тому же они собирались два-три года.

— Какими же страшными они поначалу были, — с горькой усмешкой вздохнул Фу Кунь.

— Мне нравится.

— Неужели прямо-таки нравится?

— Я же сказал, не одно и то же, — поморщился Фу Ицзэ. — Сейчас ты стал выглядеть лучше, чем в детстве, но мне и тогдашний ты нравился.

— Ох ты ж, мелочь пузатая, а как сладко говорить научился! — Фу Кунь повеселел, даже не зная, что и ответить. — Ладно, так и быть, приклею на дверцу шкафа.

Фу Ицзэ говорил чистую правду: матушка с батюшкой, пожалуй, и не замечали, как менялся Фу Кунь. Начиная с пятого класса Фу Кунь хорошел с каждым годом, и соседи то и дело приговаривали, что Кунь-цзы день ото дня становится всё молодцеватее.

Фу Кунь менялся. После перехода в шестой класс он стал куда больше внимания уделять своей внешности, у него появились собственные соображения насчёт того, какую одежду носить и какую стрижку делать. Он уже сильно отличался от того худого паренька, который двумя годами ранее таскал его за собой целыми днями напролёт. Фу Ицзэ немного понаблюдал за Фу Кунем, а затем наклонился и чмокнул его в щеку.

— Научился целовался, надо же. И больше не слюнявишь мне всё лицо, — усмехнулся Фу Кунь.

— Угу, — очень серьёзно кивнул Фу Ицзэ. Помолчав немного, он прижался ухом к груди Фу Куня. — Брат.

— М?

— Пойдём днём гулять? — спросил он. Обычно по вторникам после полудня Фу Кунь таскал его с Дюсю носиться сломя голову.

— Днём-то... — Фу Кунь погладил его по волосам. — Днём я договорился с несколькими ребятами из класса, мы идём гулять.

— А.

Фу Ицзэ ничего больше не сказал.

— Будешь играть в видеоигры? Вчера я взял у Сунь Вэя картридж, он купил сборник сорок пять в одном. Поиграй днём.

— Угу.

В этом заключалось ещё одно изменение в Фу Куне: он стал реже брать брата с собой и всё

чаще уходил гулять с одноклассниками.

Фу Ицзэ был знаком со всеми его одноклассниками и прекрасно знал, кто в последнее время то и дело заявлялся к ним.

Каждый раз среди них крутилась та девчонка по имени Чжан Кэсинь, и сам Фу Кунь, похоже, охотно составлял ей компанию.

С тех пор как та девчонка по имени Сюй Цзямэй сошлась с Ван Чжицзяном, звание невесты Фу Куня перешло к другой — к Чжан Кэсинь. При этом к Чжан Кэсинь Фу Кунь относился совсем не так, как к Сюй Цзямэй, которую вечно игнорировал и к которой выказывал лёгкое раздражение.

— Фу-у-у — Кунь-нь-нь! — раздался с улицы жеманный голосок.

Фу Кунь, сидевший на диване перед телевизором, поднялся, распахнул окно и махнул кому-то внизу, после чего повернулся и накинул куртку:

— Ицзэ, я ухожу.

Фу Ицзэ слез с кровати, подошёл к окну и выглянул наружу. На улице стояла Чжан Кэсинь: на ней были розовая вельветовая куртка, чёрная шерстяная юбка и розовая шапочка, а рядом толпилось ещё несколько ребят из класса Фу Куня.

— Ага, — Фу Ицзэ закрыл окно. На дворе ведь только март, разве в юбке не холодно?

— Вернусь — принесу тебе что-нибудь поесть, — заметив его некоторую отстранённость, Фу Кунь уже у порога повернулся обратно. — Чего хочешь?

— Печёного батата, — ответил Фу Ицзэ.

— Идет, — кивнул Фу Кунь и направился к выходу. Батат купить не проблема, на каждой улице обязательно встретится хотя бы одна железная бочка с печёными клубнями.

Но уже после того, как он вышел за дверь, Фу Ицзэ добавил ему в спину:

— Из лавки старого Чжана пойдет?

— А? — Фу Кунь опешил.

Старый Чжан торговал печёным бататом, и был мужиком известным: многие специально делали крюк ради его лотка. Вот только жил он от них довольно далеко, и чтобы туда добраться, пришлось бы совершить целое путешествие.

— Вдруг захотелось именно у него, — Фу Ицзэ лег на диван, поджал ноги и надавил на живот, а подумав, добавил: — Впрочем, забей, слишком далеко.

— Ничего страшного, принесу, — Фу Кунь посмотрел на Фу Ицзэ, который скорчился на диване, укрывшись пледиком матушки, перед телевизором, и в этот момент его проняло такое внезапное чувство жалости.

— Спасибо, брат.

Фу Ицзэ выглянул из-за края пледика одним глазом и улыбнулся ему.

Поначалу Фу Куня слегка угнетала перспектива тащиться чёрт знает куда из-за какого-то батата, но эта довольная улыбка Фу Ицзэ вмиг стёрла всю досаду.

Порою слезы и улыбка Фу Ицзэ и впрямь действовали на него куда эффективнее любых матушкиных наставлений.

Фу Кунь сбежал по лестнице вниз, и Чжан Кэсинь тут же подскочила к нему, протянув руку прямо к его лицу:

— Открой рот.

— Чего? — Фу Кунь отпрянул назад, поднеся лицо слишком близко, он даже толком не разглядел, что у неё в руке.

— Говорю же, открой рот, — нахмурилась Чжан Кэсинь. — Я же тебя не отравлю.

Фу Кунь послушно приоткрыл рот, и Чжан Кэсинь положила ему на язык маленький кусочек вяленого мяса. Толпившиеся за спиной одноклассники тут же радостно зашумели:

— Невеста кормит с рук!

— Фу Кунь, ну вы и сопли развели!

Фу Кунь жуя подбежал к велосипеду и взмахнул рукой в сторону компании:

— Погнали, куда едем-то?

Чжан Кэсинь уселась на багажник, ухватившись руками за его одежду.

— За талию обними! — кто-то весело завопил из толпы.

— Да когда ж вы уговоритесь, — повернувшись, Фу Кунь оскалился на Цзян Биня. — Я ведь могу и разрезвонить на всю округу, как ты вечно вырезаешь на стенах кто-то-там я тебя люблю.

— Ой-ой-ой — кто же это кто-то-там! — внимание толпы мгновенно переключилось на Цзян Биня.

— Мы едем или нет? — крикнул Сунь Вэй. Наконец раздобыв себе велосипед после того, как Сунь Сяо пересела на другой, он катил на старом велосипеде Сунь Сяо. — Давайте в горы!

— Вперёд! — Фу Кунь оттолкнулся ногами и хлопнул Сунь Вэя по спине. Тот учился в другом классе, но когда компания Фу Куня выбиралась на прогулку, Сунь Вэй неизменно присоединялся.

— Восходящий дракон Лушаня! — Сунь Вэй нагнал Фу Куня и тоже отвесил ему шлепок по спине.

— Твоя мама бьёт твоего папу, — лениво парировал Фу Кунь.

— Пегас бьёт копытом! — завопил Сунь Вэй, перебивая его и выдумывая на ходу. — Твоя мама тренирует обезьяний кунг-фу!

— Смелости хватит моей маме в лицо такое заявить? — повеселел Фу Кунь.

— Нет.

Фу Ицзэ так и стоял, прильнув к окну и провожая взглядом компанию, пока они не завернули за угол и не скрылись из виду. Только после этого он вернулся на диван.

Немного потупившись в телевизор, он вывел Дюсю во двор побегать кругами. Вернувшись домой, пёс сразу завалился спать и даже не обратил на него внимания, так что мальчику пришлось достать игровую приставку и отыскать в ящике стола Фу Куня тот самый картридж сорок пять в одном.

Батюшка с матушкой разрешали им играть в приставку по полчаса в день, и обычно Фу Кунь сам руководил процессом.

Сам же он играл никудышно: поначалу просто бешено колотил по всем кнопкам подряд — вверх, вниз, влево, вправо, А и Б, — даже не понимая, где на экране его собственный персонаж. Проиграв пару раундов в «Танчики», он мог несколько раз подряд случайно пристрелить Фу Куня.

Позже, наловчившись, он всё равно не испытывал особого интереса к играм и предпочитал сидеть рядом, наблюдая за игрой брата: половину времени пялясь в экран, а половину — на ловкие пальцы Фу Куня.

Сегодня он планировал немного поиграть. В картридже было множество игр, и ему хотелось посмотреть, что там вообще есть.

Однако всего через пять минут он отбросил джойстик в сторону: этот сборник сорок пять в одном ничем не отличался от тех десятков игр, что матушка покупала раньше. Толку-то — всего пара десятков названий, да и те сплошь знакомые.

Скукота.

Фу Ицзэ неторопливо вышел из дома и направился к Ся Фэю.

В те моменты, когда у Фу Куня не было времени с ним возиться, он обычно шёл к Ся Фэю. С тех пор как Ся Фэй догадался, что тот собирался запустить чайником в Большого Дурацкого Медведя, но никому об этом не проболтался, Фу Ицзэ стал охотно захаживать к нему в гости.

У Ся Фэя водилось много книг, и мальчик мог просидеть на его кровати целое за полдня, а если попадались незнакомые иероглифы, Ся Фэй с невероятным терпением их объяснял.

Дверь в квартиру Ся Фэя была приоткрыта, оставляя узкую щель.

Прислонившись к косяку, Фу Ицзэ заглянул внутрь: никого не увидев, он уже собирался толкнуть дверь и позвать Ся Фэя, как услышал голос Чжан Цинкай.

— Я же не говорил, что обязательно пойду.

Чжан Цинкай вышел из дальней комнаты, и Фу Ицзэ сразу уловил в его голосе нотки, несвойственные его обычной приветливой манере. Мальчик замер на пороге, не соображая, стоит ли ему уйти или всё же войти.

— Разве твои слова не означают обратное? — голос Ся Фэя прозвучал очень тихо. — Впрочем, даже если ты хочешь пойти, я не стану тебя удерживать. Дождю идти, а молодцу жениться.

— Я просто сказал, что есть такой человек, и моя мама просит меня с ней встретиться. Ничего такого, я просто до сих пор оттягиваю.

— А я говорю: раз мама велела — иди и встреться, ничего такого. Хоть оттягивай, хоть нет, для меня ничего не изменится.

— Ладно, с тобой бесполезно спорить.

— Ну и чего ты тогда притащился сюда такой боевой, через реку Янцзы переправился, чтобы мне чушь нести?

— Ну ты даешь. Пойдём, выйдем прогуляться, — Чжан Цинкай невольно усмехнулся от его слов. — Наверное, я как раз за это тебя и люблю...

Голос Чжан Цинкай стих, и Ся Фэй тоже замолк.

Уже поссорились?

Фу Ицзэ толкнул дверь и шагнул в комнату.

Но, увидев стоявших внутри Ся Фэя и Чжан Цинкай, он снова остолбенел.

Ся Фэй прислонился спиной к стене возле стола, а Чжан Цинкай, склонившись, обнимал его.

Хотя в момент, когда дверь отворилась, они мгновенно отпрянули друг от друга, Фу Ицзэ успел всё заметить.

Они целовались.

Ах да!

Завтра отдыхаем, в среду и четверг продолжаем.

Глава 12. Не спится

— Ицзэ? — сообразив, кто вошел, Чжан Цинкай выдавил из себя улыбку и, повернувшись к Ся Фэю, тихо спросил: — Ты что, дверь не запер?

— Наверное, забыл, — улыбнувшись, Ся Фэй поманил Фу Ицзэ рукой. — Ицзэ пришёл почтить?

— Угу, — Фу Ицзэ подбежал к Ся Фэю. — Брат ушел гулять и меня не взял.

— Опять не взял? — Ся Фэй с улыбкой снял с полки Троецарствие, на котором тот в прошлый раз остановился. — Твой брат теперь взрослый, с детьми больше не возится.

— Я пойду, — Чжан Цинкай посмотрел на Ся Фэя. — Я же не отпрашивался толком, ты...

— Ничего страшного, — Ся Фэй прислонился к краю кровати.

— Я зайду после смены.